

Чэн Цзиньнянь в упор смотрел на него, и в его голосе неожиданно прозвучали нотки нежности: — Цинфэн, почему болееешь не ты?

Чэн Цзиньнянь крайне редко обращался к нему без фамилии. Внезапно услышав такое непривычное обращение, Гу Цинфэн на мгновение даже растерялся, но, к счастью, вторая половина фразы прозвучала вполне обычно, и он не стал придавать этому значения.

Видя, что тот молчит, Чэн Цзиньнянь, и без того снедаемый яростью, разъярился еще сильнее. Крепко сжав пальцами его подбородок, он холодно бросил: — Говори!

Гу Цинфэн приоткрыл рот и спросил: — Что сказать?

— Почему болееешь не ты? Почему не ты сломал ногу? Почему это ты стоишь здесь такой здоровый, в то время как Цинчэн вынужден страдать от тяжелой болезни?

Выслушав эти несколько несправедливые слова Чэн Цзиньняня, Гу Цинфэн тихо усмехнулся и произнес: — Потому что... Гу Цинчэн заслужил смерть!

Плёт!

Чэн Цзиньнянь взмахнул рукой и отвесил ему пощечину. Голова Гу Цинфэна резко мотнулась в сторону, и на его белой щеке мгновенно отпечатались пять ярко-красных пальцев.

Прижав руку к горячей щеке и гневно уставившись на стоящего перед ним человека, он чеканил каждое слово: — Гу Цинчэн просто заслужил смерть!

Гу Цинфэн и представить себе не мог, что однажды сможет стать таким злым. Он произносил подобное не впервые, но в этот момент в его сердце действительно мелькнуло желание, чтобы Гу Цинчэн поскорее подох.

Чэн Цзиньнянь медленно подался вперед, крепко ухватив его за плечи. Его соболиные брови слегка сошлись на переносице, темные глаза излучали жестокость, а ледяной голос пронзил барабанные перепонки Гу Цинфэна: — Не переживай, первым умрешь именно ты!

Лицо Чэн Цзиньняня выглядело до того зловеще, что даже бесстрашный обычно Гу Цинфэн на этот раз испуганно вжался головой в плечи.

Заметив страх в его глазах, Чэн Цзиньнянь внезапно отпустил его, легко усмехнулся и произнес: — Что? Испугался?

— Не бойся, пока ты не исполнил свое предназначение до конца, я не позволю тебе умереть.

С этими словами Чэн Цзиньнянь оттолкнул его, распахнул дверь и вышел.

Гу Цинфэн обессиленно осел на пол, словно вся его энергия ушла на недавнюю перепалку с Чэн Цзиньнянем.

Неизвестно, сколько он просидел вот так, но вскоре Гу Цинфэн почувствовал, как в желудке все переворачивается от подступающей тошноты.

Он торопливо поднялся с пола, однако добраться до уборной не успел — его вырвало прямо в гостиную. Воздух мгновенно пропитался запахом рвотных масс, и ощущение тошноты накатило с новой силой.

Впрочем, на этот раз он все же добежал до туалета. Вырвав окончательно, он распахнул окно: ворвавшийся внутрь поток холодного воздуха сразу же привел его в чувство.

Стоило Гу Цинфэну закончить уборку в гостиной, как зазвонил телефон.

Взглянув на экран, он увидел, что звонит Чэн Но.

Прикинув время, он решил, что Чэн Но как раз должен был освободиться. Гу Цинфэн неспешно принял вызов, и в трубке сразу же послышался мягкий, приятный голос Чэн Но: — Цинфэн, ты уже дома?

Гу Цинфэн тихонько угукнул в ответ.

Заметив, что настроение собеседника явно не на высоте, Чэн Но участливо спросил: — Что такое? Что-то случилось?

— Нет, ничего. Ты закончил операцию?

— Да, только освободился, устал до смерти, — отвечая, Чэн Но улыбнулся. — Ты ужинал?

Гу Цинфэн на мгновение замер и ответил: — Еще нет, а что?

Чэн Но рассмеялся: — Тогда подожди меня. Время еще раннее, сделай одолжение, составь мне компанию поужинать.

Вспомнив, как сегодня при выходе из больницы он сам сказал Чэн Но, что угостит его ужином, как только у того появится свободное время, Гу Цинфэн решил, что Чэн Но просто решил напомнить об этом.

Поэтому Гу Цинфэн согласился без малейших колебаний.

Закончив разговор, Гу Цинфэн быстро умылся, приложил к лицу лед и намазал его мазью для быстрого снятия отеков. Убедившись, что следы побоев стали не так заметны, он переоделся в чистую одежду.

Машина Чэн Но уже ждала внизу. Когда раздался звонок, Гу Цинфэн тут же ответил: — Алло?

— Я приехал, спускайся.

— Хорошо, я сейчас спускаюсь, подожди секунду.

Сбросив вызов, Гу Цинфэн перед самым выходом на всякий случай бросил взгляд в зеркало, подхватил куртку и выбежал из квартиры.

Чэн Но припарковался на том же месте, что и в прошлый раз, когда привез его домой. Гу Цинфэн сразу заметил знакомую машину и быстро побежал к ней.

Чэн Но вышел из салона, открыл переднюю пассажирскую дверь и с улыбкой спросил: — Чего ты так бежал?

Смущенно почесав затылок, Гу Цинфэн ответил: — Заставлять тебя долго ждать — это некрасиво.

Улыбнувшись, Чэн Но захлопнул дверь, обошел машину и сел за руль.

Пока Гу Цинфэн пытался унять сбившееся дыхание, Чэн Но заметил его состояние и произнес: — Больше не бегай так быстро. У тебя все-таки сейчас особое положение, нужно быть осторожнее.

Гу Цинфэн кивнул: — Хорошо, я понял, доктор Чэн.

Чэн Но некоторое время молча смотрел на него. Гу Цинфэн от этого взгляда почувствовал себя странно и неудобно, рефлекторно коснулся рукой щеки и спросил: — У меня что-то на лице?

Чэн Но тихо вздохнул, наклонился к нему и пристегнул ремень безопасности.

От такой близости Гу Цинфэн испугался настолько, что забыл как дышать. К счастью, Чэн Но всего лишь застегивал ремень, и парень мысленно с облегчением выдохнул — слава богу, тот не стал расспрашивать про его лицо.

Заметив, как сильно он напряглся, Чэн Но мягко поддразнил его: — Ты... часом не смутился?

Только чертям было известно, смутился он или нет.

В конце концов, в мирке Гу Цинфэна, помимо Чэн Цзиньняня, Чэн Но был едва ли не первым мужчиной, с которым он поддерживал столь близкий контакт.

Видя, что тот молчит, Чэн Но решил больше не смущать его. Заводя мотор, он спросил: — У тебя есть какое-нибудь предпочтение по поводу ресторана?

Гу Цинфэн покачал головой: — На твое усмотрение.

В конце концов, он действительно не знал, что ответить: за последние три года, находясь рядом с Чэн Цзиньнянем, он практически не выбирался куда-либо поесть, а его социальные контакты свелись к жалкому минимуму.

— Тогда я сам выберу.

Разговаривая и перешучиваясь, они выехали из жилого комплекса. Ни один из них не заметил, как из припаркованного в тени цветочных клумб черного Майбаха за ними пристально следила пара глаз.

*

Ресторан, куда Чэн Но привез Гу Цинфэна, оказался заведением аутентичной вегетарианской кухни. Из-за беременности у Гу Цинфэна был неважный аппетит, так что выбор пришелся как нельзя кстати.

За ужином оба отлично провели время.

Однако когда пришло время расплачиваться, Гу Цинфэн попытался достать деньги, но Чэн Но удержал его за руку: — Я уже все оплатил. Поскольку это я силой вытащил тебя сюда, сегодняшний ужин не в счет — захочешь угостить, сделаешь это в другой раз.

Услышав это, Гу Цинфэн был вынужден сдаться: — Ладно, тогда в другой раз.

После ужина Чэн Но по всем правилам приличия должен был сразу отвезти его домой, но в самый последний момент ему вздумалось прогуляться. Поводив спутника по соседним улочкам, чтобы тот немного развеялся после еды, он наконец доставил его до места.

Из-за этой небольшой задержки они вернулись довольно поздно.

Поскольку их отношения с Чэн Но еще не зашли так далеко, Гу Цинфэн чувствовал себя неловко, приглашая его подняться.

К счастью, Чэн Но повел себя как истинный джентльмен: пожелав ему после высадки из машины хорошего отдыха, он уехал.

Гу Цинфэн поднялся на лифте в квартиру. Когда он вышел из кабины, на его красивом лице все еще блуждала легкая улыбка — было очевидно, что вечер принес ему немало радости.

Но эта радость испарилась в тот самый миг, как он перешагнул порог.

Остолбенев, Гу Цинфэн уставился на человека, который по всем прогнозам должен был давно уйти, но почему-то снова стоял прямо перед его дверью — это был Чэн Но... то есть Чэн Цзиньнянь.

Гу Цинфэн изначально не собирался обращать на него внимания, как вдруг Чэн Цзиньнянь процедил с издевкой: — Славно повеселился?

Гу Цинфэн замер на месте, резко повернулся к нему и холодно бросил: — Весело мне было или нет, тебя не касается.

Услышав это, Чэн Цзиньнянь не разгневался, а лишь усмехнулся: — Касается это тебя или нет, решаю не я... то есть не ты. Неужели ты всерьез думаешь, что, сбежав от меня, сможешь легко найти себе другого хорошего мужика?

Хороший он или нет, но любой окажется в сто раз лучше тебя, мерзавца! — мысленно огрызнулся Гу Цинфэн.

— Можешь не сдерживать свои оскорбления про себя. Ты что, и вправду возомнил Чэн Но своим спасителем? — вспомнив увиденную внизу сцену, Чэн Цзиньнянь помрачнел. — Он та еще темная лошадка, держись от него подальше!

— Какой же мистер Чэн забавный. Хорошая он птица или нет — тебя это вообще волновать не должно, мы ведь уже развелись.

Протянув руку поверх его тела, Чэн Цзиньнянь быстро нажал комбинацию на электронном замке. Раздался щелчок, и дверь открылась.

Положив ладонь ему на плечо, Чэн Цзиньнянь произнес: — Поговорим здесь или проедем внутрь?

Бессильно глядя на него, Гу Цинфэн с нажимом произнес: — Чэн Цзиньнянь, тебе не кажется, что вести себя подобным образом бесстыдно? Это мой дом!

Лицо Чэн Цзиньняня едва заметно изменилось. Схватив его за подбородок, он прорычал: — Тебе лучше не испытывать мое терпение!

С этими словами он толкнул дверь ногой и буквально втащил Гу Цинфэна внутрь.

Уже знакомым движением прижав его спиной к дверному полотну, Чэн Цзиньнянь коснулся той половины его лица, которую ранее наградил пощечиной, и неожиданно спросил: — Болит?

Голос Чэн Цзиньняня звучал настолько мягко, что Гу Цинфэн едва не забыл, кто именно его избил.

Его зрачки сузились, и по выражению лица было очевидно: он действительно боится стоящего перед ним мужчину.

Видя, что тот молчит, Чэн Цзиньнянь заговорил леденящим душу тоном: — Молчишь? Значит, не болит?

Чувствуя, как от столь резкой смены настроения у него панически сжимается сердце, Гу Цинфэн тут же замотал головой: — Нет... не болит...— Так это больно или нет?

Гу Цинфэн крепко сжал губы и больше ничего не сказал.

— Не бойся, я не собираюсь тебя бить, — Чэн Цзиньнянь улыбнулся, легко похлопал его по щеке и мягко произлёл: — Умница, включи сначала свет.

Гу Цинфэн сделал два шага вперед, нащупал на стене выключатель комнатного освещения и слегка надавил. В тот же миг мягкий желтоватый свет заполнил всю комнату.

Чэн Цзиньнянь остановился в прихожей и посмотрел на него, а затем опустил взгляд на собственные туфли. Гу Цинфэн поджал губы и бросил:

— Можешь не переобуваться.

Всё равно он не собирался позволять этому человеку задерживаться здесь надолго.

Однако Чэн Цзиньнянь стоял на месте как вкопанный. Гу Цинфэн с тяжелым вздохом наклонился, достал из шкафчика пару новых тапочек и поставил перед ним:

— Переобувайся!

Чэн Цзиньнянь уставился на эту обувь и холодно произлёл:

— Небось, остались от какого-то другого мужика?

Гу Цинфэн в этот момент не выдержал и прямо выпалил глухим голосом:

— Хочешь — надевай, не хочешь — как ходишь!

Бросив эти слова, он сразу развернулся и ушел в гостиную.

Во время ужина с Чэн Но ему с таким трудом удалось развеять неприятный осадок, который оставило после себя появление этого человека, но стоило пройти совсем немного времени, как тот снова появился прямо перед его носом.

Гу Цинфэн решительно не понимал, чего именно тот добивается. Чэн Цзиньнянь был сущим психопатом с вечно меняющимся настроением.

В конце концов Чэн Цзиньнянь всё же переобулся в те тапочки, медленно вошел в комнату, окинул всё вокруг беглым взглядом, после чего посмотрел на сидящего на диване человека и задал ни к селу ни к городу вопрос:

— Когда купил эту квартиру?

Если бы это происходило раньше, Гу Цинфэн ни за что не посмел бы так разговаривать с Чэн Цзиньнянем. Он бы только и делал, что во всем ему потакал, — с чего бы ему вдруг огрызаться!

Но сейчас настроение у Гу Цинфэна было хуже некуда, и он резко ответил:

— Ты что, больной? Какая тебе разница, когда я ее купил, какое это имеет к тебе отношение?

Этот мужчина внушал ему страх

Чэн Цзиньнянь пристально всмотрелся в него. На его красивом лице не отразилось ни единой эмоции, однако Гу Цинфэн отчетливо уловил в его голосе ярость.

— Что ты сказал?

Гу Цинфэн, разумеется, не собирался повторять во второй раз и крепко сжал губы, храня молчание.

Чэн Цзиньнянь подошел к нему и начал оглаживать его лицо обеими руками. Гу Цинфэн отчетливо ощутил жар его ладоней и невольно подался назад.

Одной рукой Чэн Цзиньнянь уперся в спинку дивана, а другой подбросил вверх его подбородок, склонился над ним и в упор посмотрел в лицо:

— Ты что, с самого начала был готов в любой момент бросить меня и сбежать?

На губах Гу Цинфэна заиграла горькая усмешка:

— Господин Чэн, прошу вас, запомните: это вы первыми заговорили о разводе.

Чэн Цзиньнянь взгляделся в его лицо, на мгновение опустил голову, погрузившись в раздумья, и холодно произнес:

— Ладно, к этому вопросу мы вернемся позже. А как насчет Чэн Но? Откуда вы с ним знакомы?

— Я уже сказал: это тебя не касается. Знаком я с кем-то или нет — к тебе не имеет никакого отношения. Тебе не кажется, что ты суешь нос не в свое дело?

Теплота мгновенно исчезла из глаз Чэн Цзиньняня, и он с силой вжал его голову в мягкую обивку дивана:

— Не имеет ко мне отношения? Я тебе сегодня покажу, мать твою, имеет или нет!

С этими словами Чэн Цзиньнянь вцепился обеими руками в его воротник и резким толчком опрокинул его.

Гу Цинфэн отчаянно заерзал, пытаясь подняться, но Чэн Цзиньнянь намертво прижал его, лишив всякой возможности пошевелиться.

— Чэн Цзиньнянь, пусти меня!

— Пустить тебя? Гу Цинфэн, это я слишком распустил тебя, позволяя тебе раз за разом бросать мне вызов.

Гу Цинфэн в упор посмотрел на него и предпринял последнюю, отчаянную попытку умолять:

— Отпусти меня, я отвечу на любые твои вопросы...

Чэн Цзиньнянь холодно усмехнулся:

— Поздно.

Чэн Цзиньнянь отвесил ему звонкую пощечину, после чего раздался громкий крик Гу Цинфэна:

— ...А-а...

Ухватившись за пряди волос у него на лбу, Чэн Цзиньнянь ледяным тоном произнес:

— Посмотри на себя, до чего же противное зрелище!

Но Гу Цинфэн лишь крепко зажмурился, и две слезинки скатились по его чуть подрагивающим ресницам, мгновенно впитавшись в обивку дивана.

Были времена, когда Гу Цинфэн всем сердцем жаждал, чтобы тот просто посмотрел на него, чтобы они могли сесть лицом к лицу, и он смог бы хорошенько разглядеть в его глазах любовь к себе.

Но теперь, когда Чэн Цзиньнянь наконец сидел перед ним лицом к лицу, у него самого уже не хватало смежности смотреть на него.

Этот мужчина действительно внушал ему страх!

Гу Цинфэн до боли закусил губы, и между зубами постепенно проступила кровь.

Чэн Цзиньнянь крепко сжал его подбородок, заставляя запрокинуть голову, и наклонился, чтобы поцеловать.

Этот поцелуй заставил Гу Цинфэна замереть от неожиданности. Чэн Цзиньнянь впервые проявлял такую инициативу.

Раньше, стоило Гу Цинфэну попытаться поцеловать его первым, тот неизменно уворачивался. Сначала он просто не понимал причины, наивно полагая, что Чэн Цзиньняню такое просто не по душе.

Лишь позже, когда Чэн Цзиньнянь лично заявил ему, что подобные ласки вызывают у него отвращение, Гу Цинфэн навсегда оставил мысли о близости с ним. В этот момент Чэн Цзиньнянь выглядел точь-в-точь как посланник тьмы, явившийся из преисподней. Его грубые, лишённые всякой нежности движения напоминали попытку затянуть жертву в самые глубины адского пламени, словно он не собирался останавливаться, пока не замучает его до смерти.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Чэн Цзиньнянь наконец отпустил его и перестал бить. Гу Цинфэн без сил пластом лежал на диване, на его лице застыло выражение полного отчаяния — помимо физической боли, он испытывал лишь омерзение!

Чэн Цзиньнянь поднялся на ноги, поправил на себе практически не помявшуюся рубашку, в упор глядя на него тяжёлым взглядом, и предупредил:

— Держись от Чэн Но подальше, он не тот, к кому тебе дозволено прикасаться.

Смеешь за моей спиной соблазнять его?

После ухода Чэн Цзиньняня Гу Цинфэн пролежал неподвижно неизвестно сколько времени, прежде чем с трудом приподнялся и сел на диване. Опустив голову, он бросил взгляд на своё истерзанное тело, и уголки его губ искривила горькая, унылая усмешка.

Преодолевая боль в теле, он кое-как поднялся на ноги и на ватных ногах шатаясь поплёлся в ванную.

Стоило ему переступить порог ванной, как ослабевшие ноги больше не смогли его держать, и он рухнул прямо на кафельный пол.

Жгучая саднящая боль в заднем проходе, соприкоснувшись с ледяным полом, на удивление немного уняла невыразимые страдания.

Он включил водонагреватель, и из душа хлынула ледяная вода, безжалостно обрушившись на его тело и вмиг заставив как следует прийти в себя.

После жестоких издевательств Чэн Цзиньняня Гу Цинфэн вдобавок принял холодный душ.

На следующий день у него поднялась температура. Тело невыносимо горело, в мышцах не осталось сил, голову раскалывало от дикой боли, а грудь словно придавило тяжёлым камнем — дыхание стало настолько спёртым, что делать вдохи было тяжело, в горле першило от сухости и жжения.

Короче говоря, не осталось ни единого живого места, где он чувствовал бы себя нормально.

Протянув руку, он принялся шарить по тумбочке в поисках телефона, понимая, что во всём мире у него остался лишь один человек, с которым он мог бы связаться.

Строго говоря, Чэн Но не был для него особенно близким человеком, но в данный момент это был единственный, у кого он мог попросить о помощи.

Повозившись с телефоном и сделав пару свайпов, он набрал номер и вызовом пустил его в ход. В ту же секунду, когда линия соединилась, Гу Цинфэн с ужасом осознал, что набрал не тот номер — на экране отображалось имя Чэн Цзиньняня.

Испугавшись, он тут же сбросил вызов. От пережитого испуга Гу Цинфэн вмиг протрезвел, и на сей раз, прежде чем нажать вызов, внимательно всё проверил.

Чэн Но, должно быть, был занят, так как телефон долго звонил, прежде чем на том конце ответили.

Из динамика раздался мягкий голос Чэн Но:

— Цинфэн, что случилось?

— Кажется, я заболел, температура поднялась.

Голос Гу Цинфэна звучал хрипло, в нём отчётливо слышался сильный носовой оттенок. Потупившись на том конце провода, Чэн Но переспросил:

— С чего это вдруг ты заболел? Жди меня дома, я за тобой заеду и отвезу в больницу.

После того как звонок прервался, Гу Цинфэн так и остался сидеть, прислонившись к изголовью кровати и тупо глядя перед собой. Он всего лишь чуть больше недели назад побеспокоил Чэн Но, с таким трудом выписался из больницы, и вот теперь снова доставляет ему хлопоты — Гу Цинфэн искренне не знал, что и думать о самом себе.

В ожидании помощи, из-за того что ему было действительно плохо, Гу Цинфэн в помрачении рассудка снова провалился в сон.

В полусне он услышал, как отворилась дверь спальни. Едва он попытался приоткрыть глаза, как прямо ему на голову обрушился ледяной поток воды.

Вздрогнув всем телом, Гу Цинфэн распахнул глаза и нос к носу столкнулся с сидящим в инвалидном кресле Гу Цинчэном.

Сначала ему показалось, что из-за сильной лихорадки его рассудок помутился и это лишь сон, в котором Гу Цинчэн измывается над ним.

Но когда Гу Цинчэн отвесил ему звонкую пощёчину, резкая боль ясно дала понять, что это вовсе не сон.

Гу Цинчэн злобно, полным яда взглядом уставился на него:

— Гу Цинфэн, ты и впрямь конченная тварь до мозга костей!

Гу Цинфэн помотал головой, пытаясь хоть немного прояснить мысли в голове, и хриплым голосом процедил:

— Гу Цинчэн, ты случаем не больной?

Сидевший в инвалидном кресле Гу Цинчэн подался вперёд, грубо оттянул воротник одежды на груди Гу Цинфэна и, уставившись на покрывавшие её пятна и следы, рассвирепел пуще прежнего:

— Ах ты дрянь! Смеешь за моей спиной соблазнять его? Совесть-то совсем потерял, блядь?!

Поначалу Гу Цинфэн не понял смысла его слов, но, бросив взгляд на следы от поцелуев на собственной груди и вспомнив вчерашние животные бесчинства Чэн Цзиньняня, он мгновенно сообразил: Гу Цинчэн явился сюда, чтобы устроить ему допрос с пристрастием.

Собственный кот украдом лакомится рыбкой, а уберечь не можешь

— С чего это ты не говоришь, что это он меня соблазнил? — в долгу не остался Гу Цинфэн.

— Это ведь ты звонил ему только что? Не думай, что раз ты молчал, то я не догадался, кто это! Одного раза соблазнить его тебе мало, понадобилось и во второй раз полезть? Или вчера он так и не смог удовлетворить твои блядские запросы?

Гу Цинфэн не стал оправдываться или что-то подтверждать, лишь криво усмехнулся уголками губ:

— Гу Цинчэн, неужто и на твоей улице праздник? Разве ты не хвастался, что являешься главным любимчиком Чэн Цзиньняня? Сам не способен удержать своего мужчину, чтобы тот налево не бегал, а винишь во всём других?

Осёкшись на полуслове, он продолжил:

— Это ведь твои собственные слова, которые ты бросил мне когда-то давным-давно. Возвращаю их тебе обратно.

<http://bllate.org/book/20420/2039749>